

## Глава 16

Атмосфера в комнате мгновенно стала ледяной. Фелтон Грин медленно поднял руки и глухо произнес:

— Что бы вы ни думали, это покушение не могло быть организовано мной.

Чу Сюнь лишь пожал плечами, сохраняя на лице безмятежное выражение.

— В противном случае, — небрежно бросил он, — с чего бы это у меня вдруг «соскользнула рука»?

Фелтон одарил его мрачным, полным затаенной угрозы взглядом, после чего переключил внимание на Ло Хуая. Тот смотрел на человека со шрамом, и его голос звучал пугающе ровно:

— Салли, я тебе доверял. Тебе лучше прямо сейчас найти веское оправдание своему поступку.

Человек по имени Салли Эдвард, очевидно, не ожидал, что спутник правителя окажется настолько опасным. Одного вмешательства Чу Сюня хватило, чтобы все присутствующие осознали: перед ними не просто телохранитель, а хищник высшего порядка.

Понимая, что бежать бессмысленно, Салли даже не шелохнулся. Он замер в углу ложи, медленно переводя взгляд на Фелтона. В его глазах читалось нечто неразложимое на простые эмоции. Выждав долгую паузу, Салли отчетливо произнес, обращаясь к пленнику:

— Не верь Ло Хуаю!

— Ты ведь знаешь: «Ночной Филин» не прощает предательства. Им ничего не стоит передумать и прикончить тебя сразу, как только ты станешь не нужен... Фелтон, единственный шанс выжить для тебя — это отказаться от сделки!

В глазах Грина мелькнул острый огонек интереса. Он промолчал, лишь подозрительно прищурился, изучая реакцию Ло Хуая. Тот продолжал сидеть в кресле, и на его губах заиграла холодная, полная сарказма улыбка.

— Господин Салли Эдвард, — негромко произнес Ло Хуай, — обвинения без доказательств выглядят нелепо. Неужели ты всерьез полагаешь, что можешь поднять руку на члена организации, основываясь лишь на своих абсурдных догадках? У нас с тобой ведь нет личных счетов?

Салли отвел взгляд, и в его словах прозвучали нотки запоздалого сожаления:

— Зато у меня есть долг перед господином Фелтоном! Четыре года назад, во время зачистки, только благодаря его командованию я отделался лишь шрамом на лице, а не поплатился головой. Я обязан ему жизнью. А потому... я не допущу, чтобы с ним что-то случилось.

Стоило ему договорить, как в памяти Фелтона всплыли события четырехлетней давности. Салли не лгал — в то время он действительно был одним из его подчиненных.

Чу Сюнь слегка приподнял уголок губ в мимолетной, почти призрачной улыбке.

— Что ж, выходит, этот инцидент всё же имеет к господину Фелтону самое прямое отношение, — лениво проговорил он.

С этими словами он непринужденно достал пистолет. Длинные, изящные пальцы привычным движением дослали патрон в патронник — сухой щелчок механизма эхом отразился от стен ложи. Носитель вскинул руку, чуть склонив голову, и черное дуло замерло в паре дюймов от лба пленника. Серебристая челка рассыпалась, открывая глаза, в которых полыхала смесь злой насмешки и ледяного безразличия.

«Этот человек ненормален... Он и вправду собирается убить меня!»

Как бы Фелтон ни бравировал своим презрением к смерти, инстинкт самосохранения оказался сильнее. Сердце в его груди пустилось вскачь, но он не мог даже шевельнуться, замороженно глядя, как палец Чу Сюня медленно ложится на спусковой крючок.

— Погоди.

Ло Хуай резко поднялся, прерывая эту сцену. Он шагнул к Чу Сюню и заслонил собой Фелтона, перекрывая линию огня. Тот послушно опустил руку и с легким любопытством спросил:

— В чем дело?

Ло Хуай тяжело вздохнул, не сводя глаз с цели.

— Среди наших заложников нет второго Фелтона Грина... Тот, ради кого мы устроили этот прием, не может просто так погибнуть. Это было бы слишком расточительно. К тому же, если человек, даже будучи узником, способен заставить других рисковать ради него головой... Кто знает, сколько еще таких «Салли» осталось в организации?

Молодой господин устало потер переносицу и, отвернувшись, бросил Салли:

— Ступай в комнату допросов. Примешь наказание согласно уставу.

Он безнадежно махнул рукой, отсылая подчинённого прочь, и снова повернулся к Фелтону. Впервые за всё время его тон стал почтительным, лишенным прежней надменности.

— При любых обстоятельствах, господин Фелтон, я всё же надеюсь на наше сотрудничество, — искренне произнес он.

Грин долго смотрел вслед уходящему Салли, а затем перевел взгляд на юношу, который, казалось, искренне восхищался его прошлыми заслугами. В комнате воцарилось молчание. Наконец старик заговорил, и его голос был глухим:

— Я верю в твою искренность. Приготовь машину и достаточно денег, чтобы я мог покинуть город. Ответ ты получишь перед тем, как я сяду в автомобиль.

Прошло слишком много времени, а его сообщники так и не предприняли попыток к спасению... Если «Ночной Филин» не собирается его устранять и если в организации всё еще есть люди, верные ему, почему бы не начать всё сначала?

Ло Хуай вежливо поклонился, и на его лице расцвела безупречная улыбка.

— Считайте, мы договорились.

\*\*\*

Длинная ночь подходила к концу. На горизонте небо постепенно сливалось с далекими заснеженными вершинами, окрашиваясь в бледные, призрачные тона предрассветных сумерек. Серые, лишенные красок крыши городских высоток первыми встречали лучи утреннего солнца, но вместе с ними сюда неизменно приходил и колючий ветер.

Ло Хуай сжимал в руках винтовку. Его пальцы должны были давно онеметь от холода, но за его спиной стоял Чу Сюнь. Мужчина лениво прислонился к нему, властно переплетая свои длинные пальцы с его ладонью. Это интимное прикосновение не оставляло юноше шанса на отступление — он оказался зажат между холодным металлом оружия и теплом чужого тела.

Правитель изо всех сил старался сохранять спокойствие, хотя его ресницы едва заметно подрагивали. Небо казалось тусклым и пыльным, точно старое зеркало, но, несмотря на плохую видимость, в перекрестье оптического прицела четко виднелся черный седан.

У машины израненный Салли Эдвард со слезами на глазах прощался с Фелтоном. Старик, видимо, растроганный такой преданностью, пожелал открыть свой секрет только Салли, прежде чем уедет навсегда.

— Какая трогательная сцена... — прошептал Чу Сюнь, и в его голосе явственно слышалось злорадство.

Он приобнял Ло Хуая за талию, небрежно положив голову ему на плечо. При каждом слове его дыхание касалось обнаженной кожи на шее юноши, вызывая невольную дрожь. Его пальцы на мгновение замерли, и на ладонях, зажатых в чужой хватке, выступила испарина.

Заметив это, мужчина недовольно цокнул языком. Он медленно, палец за пальцем, с силой прижал дрожащую руку юноши к спусковому крючку.

— Почему ты дрожишь во время задания? — вкрадчиво поинтересовался он.

Ло Хуай с трудом сглотнул и хрипло взмолился:

— Чу Сюнь... пожалуйста, не сейчас...

— М-м? Не что именно? — Собеседник весело прищурился, делая вид, что искренне не понимает причины его замешательства. — Разве сейчас не время для урока?

С этими словами он нехотя разомкнул их пальцы, словно сожалея о прерванном контакте. Но тут же его рука «заботливо» легла на напряженное плечо ученика. Кончики его пальцев, огрубевшие от постоянного обращения с клинками, скользнули под воротник, медленно поглаживая кожу. Юношу бросило в жар, тело отозвалось мелкой, едва контролируемой дрожью.

Уголки глаз Ло Хуая покраснели от невысказанного напряжения, но эта сладостная попытка длилась недолго. Внизу Фелтон наконец сел в машину и захлопнул дверцу. Салли отвернулся и коснулся наушника.

Тот самый человек, который еще недавно клялся, что обязан пленнику жизнью, теперь с довольной ухмылкой докладывал в микрофон:

— Босс, сведения у меня. Можете убирать его!

Чу Сюнь негромко рассмеялся и отстранился от правителя. Черный ствол винтовки замер, подобно хищнику, поджидающему добычу. Машина тронулась с места, набирая скорость и устремляясь к перекрестку. Еще секунда — и она скроется из виду...

Раздались два коротких, сухих выстрела.

Автомобиль потерял управление, вильнул в сторону и на полном ходу врезался в дорожное ограждение. Передняя часть транспортного средства превратилась в груды искореженного металла, напоминающую уродливую окровавленную пасть. Фелтон Грин бессильно откинулся на сиденье. Кровь медленно стекала по его лицу.

Всё это напоминало сцену из абсурдного кино: резкий контраст красного и черного растворялся в серости утреннего неба, становясь лишь коротким кадром на бесконечной киноплёнке.

Ло Хуай убрал винтовку и обернулся. Чу Сюнь стоял у самого края крыши и лениво потягивался.

— Решил сделать второй выстрел, потому что первый не был смертельным? — буднично произнес он. — Реакция неплохая, но помни: чаще всего второго шанса у тебя не будет.

Юноша поджал губы и послушно кивнул, принимая замечание. Носитель пристально посмотрел на него.

— Нужно больше тренироваться.

В глазах Ло Хуая что-то промелькнуло, и он тихо ответил:

— Подобные... помехи во время стрельбищ. Я готов тренироваться так много раз, сколько потребуется.

Чу Сюнь издал короткий смешок, и его улыбка стала двусмысленной.

— Неужели? А мне показалось, что ты уже на пределе.

Он говорил неспешно, но в интонациях сквозила та самая вкрадчивая чувственность, которая заставляла воображение рисовать картины куда более интимные, чем простой урок стрельбы. Ло Хуай почувствовал, как горят кончики его ушей. От того хладнокровия, что он выказывал за столом переговоров несколько часов назад, не осталось и следа.

Там, в ложе, они с Чу Сюнем и Салли разыграли безупречный спектакль. Салли действительно когда-то подчинялся Фелтону, но все рассказы о «долге жизни» были чистой выдумкой. В мире «Ночного Филина» верность принадлежит тому, кто платит и отдаёт приказы сейчас. Правила здесь просты и жестоки.

Изначально Ло Хуай планировал по-настоящему подставить под нож Салли, чтобы сделать историю убедительнее, но Чу Сюнь тогда лишь весело поднял руку и спросил:

— Можно мне тоже пойти пообедать?

Ло Хуай сразу понял его план и шепотом спросил:

— Это не создаст тебе проблем?

— Никаких, — ответил Чу Сюнь, заглядывая ему прямо в глаза. Его губы тронула лукавая усмешка. — Главное, не забудь оплатить мои услуги.

\*\*\*

При воспоминании об этом Чу Сюнь поманил Ло Хуая к себе. Улыбка исчезла с его лица, сменившись редкой для него серьезностью.

— Пришло время платить по счетам. Я жду вознаграждение за выполненное поручение.

Ло Хуай, видя его настрой, тоже мгновенно подобрался. Он подошел к самому краю крыши и встал напротив Чу Сюня.

— Что ты хочешь? — серьезно спросил он.

Ветер растрепал длинные волосы мужчины, и на мгновение блеск его кобальтовых глаз стал почти ослепляющим. Ло Хуай на секунду потерял ориентацию в пространстве — ему показалось, что почва уходит из-под ног и он вот-вот сорвется вниз. Падение с такой высоты означало неминуемую смерть. Сердце юноши пропустило удар, волна первобытного страха захлестнула его.

Но ужас отступил так же быстро, как и пришел: он почувствовал, что Чу Сюнь крепко прижал его к себе. Они стояли так близко, что Ло Хуай видел, как тень от длинных ресниц собеседника падает на его собственное лицо.

Внезапно Чу Сюнь очень нежно улыбнулся. Его голос звучал вкрадчиво, почти гипнотически.

— Ло Хуай, ты слышал мои притчи о предательстве... Но знаешь ли ты, что такое настоящий поцелуй смерти?

Vacio della morte. Поцелуй смерти.

Это понятие было легендой преступного мира. Говорили, что когда крестный отец решает покарать предателя, он дарит ему на прощание этот поцелуй — пугающий и романтический жест, предвещающий скорую гибель.

Ло Хуай невольно кивнул:

— Я знаю.

— Именно это станет моей наградой, — негромко произнес Чу Сюнь. Он снова коротко рассмеялся, и в его голосе зазвучали игривые нотки. — Ло Хуай, как насчет того, чтобы подарить мне поцелуй смерти? Только сегодня я даю тебе шанс поцеловать меня.

В тот же миг последние дюймы, разделявшие их, исчезли.

Губы Ло Хуая были горячими и мягкими, но, коснувшись Чу Сюня, он почувствовал лишь ледяной холод. В этом поцелуе он вел за собой, но его движения были неумелыми и робкими. В шуме ветра он не мог разобрать, чье сердце так неистово колотится в груди — он слышал лишь тихий смех мужчины и собственные беспомощные вздохи.

Юноша полностью растворился в этих объятиях. Чу Сюнь лениво принимал его ласку, властно обхватив его за талию. Холод чужого тела, казалось, лишь сильнее разжигал внутренний огонь правителя.

Когда Ло Хуай наконец отстранился, его дыхание было прерывистым. Он замер в объятиях Чу Сюня, глядя, как тот с улыбкой целует его покрасневшие веки. Лишь спустя минуту он пришел в себя. Вцепившись в руку Носителя, Ло Хуай упрямо спросил охрипшим голосом:

— Значит ли этот поцелуй, что ты никогда не предашь меня?

Чу Сюнь промолчал. Лишь когда он снова склонился к лицу юноши, одарив коротким, почти невесомым поцелуем, его тихий голос прозвучал у самого уха Ло Хуая. В серебристо-голубых глазах Чу Сюня плескалось нечто необъяснимое — точно в вековых льдах наконец пробудилось движение.

— Нет. Этот поцелуй значит лишь одно... Если я тебя предам — не колеблясь, убей меня. Используй для этого всё, чему я тебя научил.

— *Caro padrino, mi dia il mio più estremo bacio di morte.*

(— Мой дорогой крёстный отец, подари мне мой самый высший поцелуй смерти.)

<http://bllate.org/book/15843/1433177>